

— А мне нравится, у каждого свой вкус, — Хань Хэн негромко усмехнулся. Банальные букеты давно набили ему оскомину.

Обернувшись, он на мгновение задержал взгляд на лице Чжуан Лина — редкая для него уступка.

— Тебе правда нравится? — Чжуан Лин заметно оживился.

— Нравится. Но цветов слишком много, мне хватит и одной вазы для спальни.

— Эй, кто-нибудь! Найдите приличную вазу и поставьте цветы, — тут же распорядился Чжуан Лин.

Слуга, низко поклонившись, бросил испуганный взгляд на бескрайнее море бутонов и робко спросил:

— А с остальными как быть, господин?

— Выбросить, разумеется! Или ты их до Нового года мариновать собрался? — раздражённо фыркнул Чжуан Лин и тут же повернулся к Хань Хэну: — Ну что, идём?

Заметив, что юноша и не думает отставать, Хань Хэн со вздохом спросил:

— Ты собрался идти со мной?

— А как иначе? — Чжуан Лин ответил так, будто это было единственно возможным решением, и шутливо щёлкнул собеседника по лбу. — Ты ведь ничего не помнишь. Отпусти тебя одного — потом ищи свищи, дорогу назад ни за что не найдёшь.

— Я могу спросить дорогу, — недовольно буркнул Хань Хэн, помрачнев.

— Ага, встретишь каких-нибудь проходимцев, они тебе зубы заговорят и уведут неведомо куда. И что мне тогда делать?

Хань Хэн мысленно признал поражение: когда этот мальчишка начинал упрямиться и паясничать, сладу с ним не было никакого.

Выйдя за ворота, Хань Хэн не стал сразу держать путь к Башне Слушания Лебедей. Изначально он планировал просто осмотреться там и, если место окажется подходящим, выкупить заведение. Ему предстояло проводить там едва ли не каждый день на протяжении как минимум трёх месяцев, и сейчас делиться своими планами с Чжуан Лином ему совершенно не

хотелось. В делах он не терпел суеты и чужого вмешательства, тем более со стороны ходячего стихийного бедствия в лице его спутника.

Поэтому Хань Хэн принялся бесцельно кружить по улицам. Город шумел, вдоль дорог тянулись бесконечные торговые лавки и пёстрые лотки, зазывающие прохожих всякой всячиной.

— А это что? — Его внимание привлёк лоток с деревянными безделушками.

Он взял в руки стопку жёлто-бурых чарочек — всего их было восемнадцать. Стенки у них оказались тонкими, словно пергамент, а сами они почти ничего не весили.

— О, у молодого господина отменный вкус! — зычно и певуче отозвался разносчик, парень лет двадцати. — Вещь редкая, я её обычно и не выставляю вовсе. Сегодня впервые на свет вытащил — и надо же, сразу на ценителя наткнулся!

— Ну, до знатока мне далеко, просто вещица показалась знакомой. Это ведь стопки для вина? Из какого дерева вырезаны?

Хань Хэну нравились подобные изящные вещицы. Дома, в прежней жизни, у него на полке красовалась деревянная матрёшка из двадцати четырёх кукол, так что к разным складным игрушкам он питал слабость.

— И вы ещё говорите, что не разбираетесь? — прищурился торговец. — А вы присмотритесь. Ежели угадаете породу, отдам вот за столько, — он хитро улыбнулся и показал три пальца.

Хань Хэн в местных обычаях ориентировался слабо. «Три пальца... Это скидка в тридцать процентов или цена в три монеты?» — подумал он.

— Да чего тут гадать? Обычный бересклет, — скучающим тоном вмешался Чжуан Лин. — Цену называй.

Уловив во взгляде знатного юноши холодное пренебрежение, торговец мигом растерял всю свою весёлость. Почувствовав невольный трепет перед властной осанкой господина, он понизил голос, но твёрдо отрезал:

— Десять лянов серебра. И без торга.

— Я просто посмотреть взял, покупать не собирался, — Хань Хэн мысленно ахнул. Десять лянов за деревяшки? Да это же чистой воды грабёж! Он осторожно потянул Чжуан Лина за рукав, увлекая за собой.

Однако тот даже ухом не повёл. Шедший следом слуга уже привычным, отточенным жестом

достал кошель и отсчитал нужную сумму.

Хань Хэн мысленно схватился за голову. После этого он вообще перестал проявлять интерес к уличным товарам. О том, чтобы заглянуть сегодня в Башню Слушания Лебедей, не могло быть и речи. Стоило ему хоть мельком намекнуть на заведение, и Чжуан Лин, недолго думая, скупил бы всю ресторацию на корню. Оказаться в долгу перед этим несносным мальчишкой ещё сильнее Хань Хэну совсем не хотелось.

В итоге, когда они под вечер вернулись в Сад Сюэ, подарками от Чжуан Лина была завалена добрая половина обеденного стола. Долг платежом красен, а дареному коню, как известно, в зубы не смотрят. Глядя на эту гору безделушек, Хань Хэн просто не нашёл в себе сил выставить благодетеля за дверь, так что ужинать им пришлось вместе.

Едва они закончили с трапезой, за Чжуан Лином кто-то пришёл, и юноше пришлось спешно уехать.

Только теперь Хань Хэн смог вздохнуть свободно. Он сел у стола и принялся разбирать купленные чарки. Вытащив одну из другой, он долго разглядывал незатейливый, едва заметный узор древесных колец. Со вздохом сложив стопку обратно, он достал из шкафа резную шкатулку, чтобы убрать покупку подальше.

Все эти нефритовые подвески и фигурные деревяшки были ему абсолютно не нужны. Но стоило ему днём хотя бы задержать взгляд на каком-нибудь лотке, как бдительные слуги принца тут же выкупали товар. Спорить было бесполезно: парень тратил собственные средства, а как ими распоряжаться — его личное дело. За один только день праздной прогулки они пустили на ветер без малого восемьдесят лянов чистым серебром — и глазом не моргнули.

Спрятав шкатулку, Хань Хэн зацепил пальцем шнурок на шее и вытащил маленькую нефритовую свинку. Это был самый первый подарок Чжуан Лина, который тот вернул со словами, будто возвращает вещь законному владельцу.

В неверном свете свечи полупрозрачный камень отливал глубоким травянистым блеском. В его мягком сиянии крылось какое-то странное очарование, заставившее Хань Хэна надолго залюбоваться безделушкой. К тому же от крошечной фигурки исходил едва уловимый сладковатый, почти приторный аромат. Раньше Хань Хэн не обращал на это внимания, но теперь лишь снисходительно усмехнулся: прежний хозяин этого тела, судя по всему, отличался излишней изнеженностью.

Зевнув от подступившей усталости, он снял подвеску и бросил её в медный таз, решив сполоснуть от скопившейся пыли. Но стоило плеснуть туда крутого кипятка, как в лицо ударил плотный столб горячего пара. Хань Хэн так и застыл с кувшином в руках. «И надо же было так задуматься? Кто вообще моет тонкий нефрит кипятком?» — обругал он себя за рассеянность.

Он поспешно разбавил воду холодной и аккуратно протёр камень, пока тот не заблестел, словно мокрый лист. Навязчивый сладкий запах почти исчез, и Хань Хэн со спокойной душой

снова повесил амулет на шею.

Ночь выдалась на редкость тяжёлой. Сон не шёл. Вскоре после того, как в доме погасили огни, Хань Хэн проснулся в полубытьи. В комнате стояла удушливая, влажная жара. С трудом поднявшись, он взобрался на сундук у стены и распахнул деревянные створки окна, впуская прохладу ночного ветра, после чего без сил рухнул обратно на постель. До самого утра его терзали кошмары. Он метался по простыням, глухо стонал и стискивал зубы.

Пробуждение принесло лишь раскалывающую виски боль. Потерев лоб ладонями, Хань Хэн с трудом разлепил веки. За окном брезжил серый, подёрнутый туманной синевой рассвет. Он оттянул влажный от пота воротник ночной рубахи. Спать больше не хотелось, да и толку от такого отдыха не было никакого — всё тело ныло так, словно его полночи колотили палками.

Разминая затёкшую шею, он тихо, чтобы не разбудить дремавшего за ширмой слугу, поднялся и умылся ледяной водой.

Опустившись на стул, он застыл в оцепенении, бессмысленно глядя перед собой. Пальцы слегка дрожали, когда он потянулся к чайнику и с тихим звяканьем наполнил пиалу. Холодный настой обжёг пищевод, но почти сразу принёс облегчение. Жажда и саднение в горле утихли, а бешено колотившееся сердце наконец замедлило свой бег.

Из распахнутого окна потянуло сырым утренним сквозняком. Хань Хэн зябко передёрнул плечами и потёр озябшие предплечья. С первыми лучами солнца туман ночного кошмара начал рассеиваться, обретая пугающую отчётливость.

Перед глазами до сих пор стояли картины, достойные фантастической киноленты о конце света: бушующее пламя, охватившее огромные пространства, багровые отблески пожаров на морской глади. В безмолвном хаосе летели тучи стрел, земля тонула в крови, а в небе кружили стаи огромных хищных птиц. Он видел каждую деталь этой бойни, но во сне не было ни единого звука. Эта зловещая тишина давила на разум мёртвым грузом.

Но самое страшное было в другом: посреди этого кошмара он увидел себя. И именно этот образ заставил его пережить столь первобытный, леденящий душу ужас, который не отпускал его до сих пор.

Там, в пламени войны, стоял не Хань Хэн. Это был Пэй Цзя. Его собственное, прежнее лицо.

Облачённый в величественные одежды, он сжимал в руке жреческий посох, возвышаясь на вершине колоссального алтаря. А внизу, насколько хватало глаз, простиралось море коленопреклонённых людей. Тысячи, десятки тысяч верующих падали ниц перед ним — бесприютным скитальцем во времени — или перед гигантским, уходящим в облака каменным идиолом за его спиной.

Рассвет окончательно вступил в свои права, осветив бледное, покрытое крупными каплями

пота лицо Хань Хэна. Глубокий шрам в утренних сумерках казался уродливым багровым клеймом, но куда страшнее было то, с каким глубоким, сосущим смятением он смотрел.

Он дрожащей рукой налил себе вторую пиалу. Сделав несколько жадных глотков, он прислушался к тому, как ледяная струя растекается внутри. Хань Хэн медленно прижал ладонь к левой стороне груди. Сердце под пальцами билось ровно и сильно, однако фантомная боль от пережитого во сне удара всё ещё колола рёбра.

Там, в безмолвном кошмаре, какой-то ребёнок — мальчишке на вид было не больше десяти лет — хладнокровно пронзил его грудь стрелой. Сон оборвался в тот самый миг, когда наконецник вышел из спины, но ощущение разорванной плоти казалось пугающе осязаемым.

Это видение ничуть не походило на обычные сновидения. Несмотря на всю фантастичность происходящего, Хань Хэн каждой клеточкой тела ощущал его жуткую, неоспоримую подлинность.

Оставшуюся часть утра он провёл у окна, бессмысленно глядя на просыпающийся сад. Сон ушёл безвозвратно. Лишь когда в комнату постучали слуги, он стряхнул с себя оцепенение и велел принести свежей воды для умывания.

«Тоже мне, материалист до мозга костей, — мысленно усмехнулся он над собственной слабостью. — Испугался детской сказки и сижу тут, строю теории». К моменту, когда в его покои заглянула Сюэ Юнь, Хань Хэн уже успел закрепить на лице маску и собирался сам идти к ней с утренним поклоном.

— Матушка, что всё это значит? — удивлённо спросил он.

Служанка, следовавшая за матерью, с тихим шорохом вывалила на стол целую охапку бумажных свитков. Они легли плотной пёстрой горкой.

— А то и значит, сынок! — Сюэ Юнь заговорщически улыбнулась. — Здесь портреты всех благородных девиц столицы, что подходят нам по положению и уже вошли в пору замужества. Выбирай, кто милее сердцу. Только чур не жадничать — для начала присмотри двоих-троих, а там уж и познакомим вас поближе.

Хань Хэн наугад развернул один из свитков. С тонкого шёлка на него смотрела нежная, круглолицая девушка с аккуратно уложенными волосами. На вид ей было от силы лет пятнадцать. От мысли о сватовстве у Хань Хэна невольно возникло чувство, будто зрелый мужчина пытается совратить дитя.

— Неужто матушке так не терпится поскорее спровадить меня? — он мягко улыбнулся и, свернув портрет, отложил его в сторону. — Позвольте мне лучше побыть подле вас ещё пару лет, проявить сыновнюю почтительность.

— Что за глупости ты говоришь? — шутливо погрозила ему пальцем женщина. — Я ведь в дом невестку беру, а не тебя в чужую семью отдаю! Напротив, буду радоваться: и сын рядом, и молодая хозяйка по дому шуршит. Так что от сыновних обязанностей тебе всё равно не отвертеться, даже не думай.

— Ну как же, — Хань Хэн лихорадочно соображал, как бы поддипломатичнее съехать с темы. — Появится жена — и всё моё внимание уйдёт ей, на вас времени совсем не останется.

Но Сюэ Юнь было не так-то просто сбить с толку. Она насильно всучила ему ещё два свитка:

— Стал бы я ревновать тебя к собственной невестке! Женись побыстрее, да смотри, чтобы детишек было побольше. Вот когда у меня появятся внуки, я о твоём существовании вообще вспоминать перестану!

«Только этого не хватало!» — мысленно застонал Хань Хэн. Почувствовав, как голова начинает пухнуть от грядущих перспектив семейной жизни, он глубоко вздохнул и мягко, но настойчиво произнёс:

— Матушка, умоляю вас, не спешите так.

Женщина замолчала, пытливо вглядываясь в его лицо. Хань Хэн подсел ближе и накрыл её ладонь своей:

— Я правда пока не готов связывать себя узами брака.

Сюэ Юнь порывисто вдохнула, собираясь возразить, но заметив предупреждающий жест сына, промолчала. Она, однако, выглядела обиженной и глубоко недоумевающей.

— Все те годы, что меня не было рядом, наше поместье держалось исключительно на ваших плечах. Теперь, когда я вернулся, негоже перекладывать все заботы на вас. Я должен стать вам опорой, а не вешать на шею новые хлопоты.

— Подарил бы мне внука — вот это была бы лучшая помощь, — тихонько проворчала она в ответ.

— Дети — это ведь не репа на грядке, чтобы посадить весной и собрать осенью, — Хань Хэн грустно усмехнулся, опустив взгляд. — Да и дело вовсе не в том, нравится мне кто-то или нет.

Сюэ Юнь осеклась, мгновенно всё поняв. С его изуродованным лицом мысль о свадьбе, должно быть, казалась ему чистой воды издевательством. Её пыл заметно угас. Немного помолчав, она примирительно произнесла:

— Ну хорошо, год-два у нас точно есть в запасе. Ты просто приглядишься. Вдруг кто понравится — поладите, пообщаетесь, а там видно будет. Жениться в тот же день никто не заставляет.

— Матушка, даже если я соглашусь... какая благородная девица пойдёт за калеку? — с горькой иронией вздохнул он.

Женщина искренне замешалась. Она и сама понимала всю жестокость столичного общества.

Хань Хэн легонько сжал её ладони, стремясь разрядить обстановку:

— К тому же, пока я восстанавливаю силы дома, мне не помешало бы скопить немного собственных средств. Буду с вами откровенен: я почти ничего не помню о своей прошлой жизни. Но когда я недавно гулял по городу и случайно разговорился со старшим братом Чжуан Лина, Чжуан Янем, в моей голове словно что-то прояснилось. Кое-какие законы торговли показались мне удивительно знакомыми.

— Торговать? — недоверчиво переспросила Сюэ Юнь.

Заметив её сомнения, Хань Хэн насторожился. Неужели его предшественник никогда не имел дела с купечеством? Но ведь отец покойного служил счетоводом — неужто сын за всю жизнь ничему у него не научился? К счастью, матушка не поспешила опровергнуть его слова.

— Должно быть, в детстве я часто наблюдал, как отец сводит счета и управляет делами в лавках, — поспешно добавил он. — Сам не знаю, почему, но к торговле у меня прямо душа лежит. Поэтому я хотел попросить вашего дозволения почаще бывать в городе — хочу разузнать, какое дело мы могли бы открыть самостоятельно.

Сюэ Юнь призадумалась, а затем нерешительно протянула:

— Стоит ли тебе самому утруждаться? Достаточно лишь шепнуть словечко Чжуан Лину...

— Ни в коем случае, — твёрдо возразил Хань Хэн. — Раньше в нашей семье просто не было мужчины, способного взять дела в свои руки. Но мы не можем бесконечно пользоваться щедростью Поместья князя Жуй.

Сюэ Юнь посмотрела на него с теплотой, в её взгляде смешались гордость за повзрослевшего сына и затаённая тревога. Наконец она кивнула:

— Что ж, попробуй. Вечером я велю принести тебе наши домашние книги. Только справишься ли? Ты ведь никогда раньше не брался за подсчёты.

— Пришлите пока записи за последний год-два, — обрадовался Хань Хэн. — Даже если чего-то

не пойму, разберусь по ходу дела. Теория без практики мертва, надо попробовать.

— Хорошо, — женщина мягко и ободряюще улыбнулась. — Ты рассуждаешь как взрослый, разумный мужчина. У меня-то голова уже не так хорошо варит. Ты прав, нам пора становиться самостоятельными. Нельзя вечно сидеть на шее у семьи князя Жуй, особенно у Чжуан Лина.

Она явно решила, что сын просто стремится поскорее вернуть долг независимости и отдалиться от Чжуан Лина. Хань Хэн действительно преследовал эту цель, но куда важнее для него было другое: он категорически не желал превращаться в домашнего трутня, привыкшего жить на всём готовом. Только те деньги, что заработаны собственным умом и трудом, приносят настоящее спокойствие.

<http://bllate.org/book/20487/2168072>